

Александр Шалимов

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ

Рисунки Леонида Каминского

ГОСТЬ

Я заканчивал популярный очерк о пространстве и времени, когда за окном послышалось царапанье. — Вздор, — успокоил я самого себя, — слуховая галлюцинация от переутомления. Еще абзац — и спать. Итак: «Необратимость времени заключается уже в том, что...»
Странный звук за окном повторился. Я поспешно отложил перо. Признаюсь, стало не по себе. Живу я на восемнадцатом этаже. Южная стена дома, куда выходит окно моей комнаты, совершенно гладкая, на ней нет ни балконов, ни выступов. Кто мог очутиться за

стеклом на узком наружном карнизе оконного проема? Может быть, голубь? Но, кажется, по ночам они спят. Тем более в такую холодную мартовскую ночь... Снова царапанье, а затем легкий стук. Я вскочил. Резким движением поднял штору. За стеклом сидел кот. Обыкновенный домашний кот, серый в темную полоску, с длинными усами и круглыми желтыми глазами. Увидев меня, кот скорчил жалобную гримасу и мяукнул. Пасть его широко раскрылась, длинные усы отогнулись к ушам, а в глазах сверкнули зеленоватые искорки.

— Ах, дрянь! — вырвалось у меня. — Куда забрался, паршивец!

Я открыл окно, схватил кота за шиворот и швырнул на пол. Кот взъерошил шерсть, отряхнулся и в упор посмотрел на меня. В его взгляде был мягкий упрек.

— Паршивец! — повторил я и дрожащими руками накапал себе валерьянки.

Кот облизнулся, подошел поближе.

— Что, может, тебе налить? — насмешливо спросил я у него.

— Угу, — ответил кот и снова облизнулся.

— Как же, дождайся! — сказал я и закрыл аптечку.

— Это невежливо! — прозвучало в ушах.

— А это вежливо — лезть ночью по подоконникам восемнадцатого этажа? — отпарировал я. — Фу, черт, кажется, уже начинаю разговаривать сам с собой... Я взглянул на кота. Он устроился на диване и испытующе поглядывал на меня, словно ждал, что заговорю с ним.

— Ну-с, — начал я. — И как же тебя, мерзавца, угораздило залезть туда? Может, объяснишь, а?

Кот презрительно фыркнул.

— Вот то-то и оно! Фыркай теперь, серая скотина.

— Это вульгарно, использовать в разговоре бранные слова, — сказал кот. — Это свидетельствует о низком уровне интеллигентности. Крайне неприятно начинать знакомство с моралите, но я вынужден...

Вероятно, у меня действительно был малоинтеллигентный вид в тот момент, потому что кот подумал и сказал:

— Извините, пожалуйста, я не хотел вас огорчать. Давайте познакомимся. Меня зовут Сократ...

— ???

— Сократ, — повторил кот. — Вам понятно, о чем я говорю?

Мозг мой работал с лихорадочной поспешностью. Сон, бред, белая горячка? Я тряхнул головой и попытался сосредоточиться. Потрогал себя за нос, потянул за ухо. Потом взял булавку от галстука и осторожно кольнул палец. Нет, это не было похоже на сон. Я ощущал свое тело, даже почувствовал боль от укола. Все это время кот с интересом наблюдал за мной. И вдруг меня осенило. Дрессированный кот! Ну конечно, все чертовски просто. Он убежал из цирка. Сейчас обучают животных удивительным штукам. А этого научили говорить. Фу ты, было чему удивляться!..

Я почувствовал огромное облегчение, и ко мне сразу возвратились уверенность и самообладание.

— А ты, оказывается, хитрец, — сказал я. — Ученый! Ну ладно, давай знакомиться. Значит, ты Сократ. А меня зовут Вася.

— Ур-р... Вася, — повторил кот. — Очень приятно, хотя имя... немного странное. У меня был знакомый Васька, но он... — Кот замаялся.

— Тебе не нравится мое имя? Можешь называть меня Василий Никандрович.

— Нет, почему же, — вежливо сказал кот. — Вася это проще и... интимнее. Буду звать вас Васей.

— Значит, договорились. Ну а теперь дай лапку, Сократ, давай здороваемся.

— Фи, это же не принято. Что за архаизм!..

Он произносил слова очень четко и правильно, но с чуть заметным иностранным акцентом.

— Ого, архаизм! — невольно вырвалось у меня. — Однако у тебя богатый словарный запас, Сократ. Интересно, кто тебя научил так хорошо говорить?..

Мне показалось, что вопрос смутил его. Он шевельнул усами, потом, немного подумав, сказал:

— Благодарю, вы очень любезны! Но, право, я не исключение. У нас почти все говорят.

— Вот как?

— Да. Но простите, Вася, если я обращусь к вам с небольшой просьбой, вы не обидитесь?

— Нет, почему же!

— Называйте меня на «вы». Я не привык к «ты-канью», меня немного коробит от него.

— О-о! — протянул я, несколько озадаченный. — Впрочем, с удовольствием. На «вы» так на «вы»...

— Благодарю, — сказал Сократ. — Надеюсь, не помешал вам своим появлением?

— Отнюдь... Но я хотел бы знать, как ты, то есть вы, очутились у меня за окном?

— Ур-р! — воскликнул он. — Мне очень неприятно! Я даже толком не понял. Кажется, это глупая проделка Ксана.

— Ксана? Кто такой Ксан?

— Ксан? Ну как вам объяснить? Ксан это Ксан. Мы с ним большие друзья, хотя порой он бывает несносен. Мы живем все вместе: папа, мама, Ксан и я. Ксан — сын папы и мамы. А я просто живу с ними, с тех пор как появился на свет. Мы одна семья, хотя и принадлежим к разным — как это называется — видам.

Я снова почувствовал легкое головокружение.

— Слушай, Сократ, — сказал я. — То есть, слушайте... Бросьте морочить мне голову. При чем тут разные виды? Где находятся эти самые твои папа и мама?

— Папа и мама не мои, а Ксана. Они должны находиться где-то совсем недалеко...

— Что значит недалеко? В этом доме, на этой улице? В этом городе? В Москве сейчас более десяти миллионов жителей.

— В Москве?... — задумчиво повторил Сократ. — Ну конечно, в Москве! Мы приехали в Москву на прошлой неделе! И поселились в комнатах, очень похожих на вашу. Только в них не было такой, — он запнулся, — такой... старомодной мебели.

— Старомодной! — возмутился я. — Интересно, откуда вы приехали, если даже эта мебель для вас старомодная?

— Простите, — сказал Сократ. — Я совсем не хотел вас обидеть.

— Пустяки. Однако откуда вы все-таки перебрались к нам?

— Мы? Мы из Калабашкина.

— Что это еще за Калабашкино? Где оно находится? — Вы, Вася, не знаете, где находится Калабашкино? — удивился Сократ. — Ну зачем вы разыгрываете меня, как Ксан? Впрочем, может быть, вы подумали о другом Калабашкине? Нет-нет, мы приехали именно из того самого, которое зовут столицей теоретической физики. Папа работал там в институте... Ур-р, забыл, как называется, ну в этом, знаете, где изучают поле четырехмерного пространства...

— М-да, — сказал я. — Знаете что, Сократ, давайте лучше поговорим о чем-нибудь другом...

Все это, конечно, могло быть и тонким цирковым трюком, но, с другой стороны, если Сократ действительно жил в семье какого-то физика и физик был настолько неосторожен, что научил кота говорить... Из этого могли получиться крупные неприятности и для физика, и для таинственного института, находившегося в неведомом мне Калабашкине. Некоторое время мы молчали. Потом Сократ зевнул и облизнулся.

— Может быть, закусите, Сократ? — спохватился я.

— Благодарю. Не отказался бы...

— Колбасы?

— Вообще мы — вегетарианцы. Я имею в виду папу, маму, Ксана и себя лично. Но колбасу я пробовал. Меня угощал приятель Ксана. Мне понравилось.

— Ну вот и отлично. Сейчас приготовлю вам закусить.

— Благодарю.

— Скажите, а на мышей вы охотитесь? — поинтересовался я, ставя перед ним блюдечко с мелко нарезанной колбасой.

— Что вы, Вася, это же не гуманно, — возразил Сократ, принимаясь за колбасу.

Должен сказать, что к котам я отношусь без особой симпатии. Но Сократ был удивительно порядочным и благовоспитанным котом. Я с сожалением подумал о том, сколь односторонне наши знания. Занимаясь одним кругом вопросов, мы оказываемся профанами во многих иных областях. До встречи с Сократом я не представлял, как далеко шагнула дрессировка животных. Раньше считали, что кошек вообще нельзя ничему научить... Я и в цирке-то не был лет двадцать... Я решил, что в ближайшие же дни займусь расширением своего кругозора: пойду в цирк, в зоологический сад и обязательно заведу кота, если Сократа придется возвратить его хозяевам. Однако кто они — эти папа, мама и Ксан? И где их искать? Тут легко попасть в просак. Каждый захочет иметь говорящего кота. Пожалуй, лучше не торопиться: подождать объявления в газетах или по радио. Хозяева Сократа обязательно начнут разыскивать его. Они обратятся в газету или на радио. Можно, конечно, распросить и в цирке... Впрочем, я уже почти не сомневался, что к цирку Сократ не имеет отношения.

Тут я хлопнул себя по лбу. В комнате находился мой корреспондентский магнитофон. Трудно сказать, как все может обернуться дальше, но иметь пленку, содержащую интервью с горящим котом, никогда не помешает. В конце концов ее можно использовать даже для радиопередач «Люби и знай свой край».

Я торопливо поставил новую ленту и включил магнитофон. Услышав щелчок, Сократ встрепенулся.

— А, — сказал он, — магнитофон. Какой большой и неудобный!

— Что вы, Сократ, — возразил я. — Самая портативная модель...

— Мяу? — вырвалось у него. Но он тут же справился с собой, взглянул на меня не то со смущением, не то с сожалением и отвел глаза.

— Скажите, — снова возвратился я к интересовавшему меня вопросу, — каким образом вам удалось так хорошо овладеть человеческим языком?

— Вы, вероятно, хотите сказать — русским языком? — уточнил Сократ.

— А разве вы знаете и другие?

— Мама научила меня немного говорить по-французски, а Ксан вместе со мной изучает английский язык. Но английский для меня очень труден. Кажется, я никогда не научусь правильно выговаривать английские слова.

— Очень интересно! Но начинали вы с русского, не так ли?

— Все начинают с него, — скромно сказал Сократ.

— Как это все? Что вы имеете в виду?

Он удивленно взглянул на меня:

— Разумеется, систему МВК. Как же это расшифровывается?.. Ну подскажите, вы же должны знать... Ур-р, вспомнил: система межвидовых контактов. По этой системе...

Так началось наше интервью. Мы говорили целую ночь. И хотя Сократ все чаще зевал и время от времени поглядывал на поролоновую подушку, лежащую в углу дивана, я продолжал задавать вопросы. Не скрою, некоторые его ответы ставили меня в тупик. Еще никогда я не чувствовал себя таким профаном! Да и могло ли быть иначе? Биологию я изучал давно — в те годы, когда еще царили идеи Лысенко, потом уже не оставалось для нее времени. А она, оказывается, вот как ушла вперед. Ночная беседа с

Сократом раскрыла всю глубину моего невежества в области биологических наук, межвидовых контактов, программированного изучения межвидовых языков и множества других поразительных вещей.

Когда я рассыпался было в комплиментах по поводу его поразительной эрудиции, Сократ скромно заявил, что он вовсе не исключение. Он знает одну белую кошечку, превосходно говорящую по-итальянски, и волкодава, владеющего семью языками, который служит сторожем при каких-то развалинах и показывает эти развалины экскурсантам. Я не разобрал, что это были за развалины, а переспросить считал неудобным. Я чувствовал, что мои вопросы и так слишком часто казались Сократу наивными, и он явно томился, разясняя вещи, с его точки зрения само собой разумеющиеся. И лишь когда я спросил его, в чем, по его мнению, состоит конечная цель развития межвидовых контактов, он не выдержал.

— Даже Ксан не задал бы такого вопроса, — с легким упреком прошептал он. И принялся рассуждать о веках дикого варварства, взаимной вражды и уничтожения и о грядущей эпохе высокого гуманизма, межвидовой дружбы, сотрудничества, взаимопонимания и уважения...

— Разумеется, до полной гармонии еще далеко, — заключил он, — но рано или поздно она наступит: залогом этому естественный ход развития разума. Не так ли, Вася?

Я поспешил согласиться, но добавил, что, по-видимому, в этом направлении пока еще сделано ужасно мало.

— Мне, например, — подчеркнул я, — до сих пор как-то не приходилось встречаться с представителями иных видов, в достаточной мере готовыми к установлению надежных межвидовых контактов. А не далее как позавчера Макс — фокстерьер моей соседки по квартире — ни с того ни с сего тяпнул меня за ногу, когда я проходил мимо.

— Да-да, — зевая, подтвердил Сократ. — Мне тоже иногда приходится сталкиваться с очень мало культурными представителями — я, конечно, прошу извинения — родственного вам вида, Вася. Но ничего, ничего, время работает на нас. А сейчас не пора ли немного отдохнуть, Вася? Кажется, уже рассвело?.. У меня на языке вертелось еще множество вопросов, которые я хотел задать своему гостю, но я чувствовал, что это уже будет нарушением самых элементарных правил гостеприимства. Поэтому я только ска-

— Конечно, вам пора отдохнуть, Сократ. Устраивайтесь поудобнее на этом диване. Я постараюсь не мешать вам.

Он не заставил повторять приглашение: лег на бок, положил голову на поролоновую подушку, вытянулся и закрыл глаза.

И все-таки пришлось еще раз потревожить его. Ведь я должен был разыскать его хозяев.

— Послушайте, Сократ, — сказал я. — Последний вопрос: как фамилия папы и мамы?

— Фамилия? — переспросил он, открывая один глаз. — Ах, фамилия, — повторил он, зевая. — Право, не помню. И зачем вам она? Папу и так все знают.

Не выключая магнитофона, я вышел из комнаты, тихонько притворил за собой дверь и запер ее на ключ. В конце концов, если папа, мама и Ксан жили в этом доме, я легко мог узнать о них в домоуправлении. Ведь, по словам Сократа, они приехали в Москву на прошлой неделе. Однако сердитая паспортистка в домовой конторе объявила, что ни на этой неделе, ни на прошлой, ни месяц тому назад новые жильцы в наш дом не въезжали. Положение осложнилось. А что если Сократ действительно забыл фамилию папы, мамы и

Ксана? И потом, не спутал ли он дату отъезда из Калабашкина? Ведь в конце концов он всего лишь кот...

Я поинтересовался, ведут ли в домовой конторе учет домашних животных, проживающих в этом доме.

— Это каких еще животных? — недовольно спросила паспортистка. — Собак, что ли? Так собак мы учитывать не обязаны...

— Меня интересуют кошки. Кошек вы учитываете?

Паспортистка посмотрела на меня так, что я сразу почувствовал себя меньше ростом. Потом она с достоинством отрезала:

— Некогда мне с вами тут остроумничать. Работать мешааете. Ясно?

Однако я решил не сдаваться.

— Извините пожалуйста, — сказал я. — Я вполне серьезно спрашиваю. Мне необходимо узнать, у кого в этом доме есть кошки. Как это узнать?

Она резко повернулась ко мне, и я уже приготовился услышать новую негодующую реплику, но внезапно паспортистка смягчилась.

— А сами-то откуда будете? — спросила она. — Может, с эпидемстанции?

— Нет, живу в этом доме. Но в данном случае меня это интересует как журналиста.

— Ясно, — сказала она. — Записывай: нету в этом доме кошек. Которые были, всех дворники выловили и сдали на мыло. У нас с этим полный порядок. А что, может, прибудилась где какая? — вдруг спохватилась паспортистка, окидывая меня подозрительным взглядом. — Это в какой квартире?

Но я поспешил заверить, что никто нигде не прибудился, и поскорее покинул домовую контору... Вот как тут обстояло дело: на мыло... Оставалось на всякий случай узнать в цирке.

В цирке я объявил девушке-секретарю, что мне необходимо видеть самого директора. Девушка провела меня в небольшой кабинет, и я увидел седого взъерошенного толстяка с золотыми зубами и мрачным взглядом. Толстяк пил кофе и переругивался с кем-то по телефону. Потом, не докончив разговора, он бросил трубку и вопросительно уставился на меня. Я назвал себя и осторожно спросил, не сбежал ли вчера кто-нибудь из дрессированных животных.

— Сбежал, — ответил директор. — А что?

Я вдруг почувствовал слабость в коленях и присел на край стула. Значит, Сократ...

— Кто сбежал? — спросил я чуть слышно.

— Черная пантера. Но, к счастью, ее уже поймали и привели обратно. Так что никакой сенсации, молодой человек.

Я готов был расцеловать его. Но все-таки надо было убедиться окончательно.

— Простите, — сказал я, — а дрессированный кот не сбежал у вас?

— Дрессированный... кто? — поднял брови директор.

— Кот.

Вместо ответа директор захохотал. Хохотал он раскатисто, так что зазвенела ложечка в стакане с недопитым кофе.

— Не понимаю, — заметил я. — Чему вы смеетесь?

Он замолчал и принялся вытирать побагровевшее лицо клетчатым носовым платком. Потом он громко высморкался и сказал:

— Вы оригинал. Страшный оригинал. Хо-хо-хо! Дрессированных котов не бывает.

— Как не бывает?

— Так, не бывает. Коты — самые глупые животные на свете. Никто не берется их дрессировать. Бесплезно. Кошек еще можно, но только трехцветных.

— А если бы я показал вам дрессированного кота?

— Все равно бы не поверил.

— А если бы этот дрессированный кот умел разговаривать?

— Не поверил бы.

— Даже и поговорив с ним самим?

— Даже и в этом случае... То есть с кем это я должен поговорить?

— С котом. С котом, который говорит по-русски не хуже нас с вами.

— Слушайте, вы! — повысил голос директор. — Бросьте ваши трюки. Говорите, что вам надо, или до свидания.

— Хорошо, — сказал я. — Если у вас никто не убежал, до свидания.

Я повернулся, чтобы уйти, но он остановил меня.

— Подождите-ка, — закричал он. — Зачем вы придумали эту штуку с котом?

— Я ничего не придумал.

— Значит, у вас есть дрессированный кот?

— Предположим.

— Есть или нет?

— Ну есть.

— И он произносит слова?

— Целые фразы. Может даже сделать доклад о международном положении.

— Послушайте, — сказал директор. — А вы сами, молодой человек, ниоткуда не сбежали?

— Ну, раз вы мне не верите...

— Конечно, не верю. И все-таки, если вы покажете мне кота, которого вы научили мяукать так, что его мяуканье хотя бы отдаленно напоминает человеческие слова, я...

— Что вы сделаете?

— Что я сделаю? Ничего не сделаю. Но я сильно опасаюсь, что один из нас сошел с ума.

— До свидания! — сказал я.

— Нет, подождите. Где этот кот?

— У меня дома.

— А, черт, была не была! Едем. Если этот кот может произнести хотя бы три слова, я возьму его, и, разумеется, вас вместе с ним.

— Но позвольте...

— Нет уж, теперь вы позвольте. Едем. Об условиях потом. Если кот разговаривает, вы не будете на меня в обиде.

— Но я не думаю...

— Меня не интересует, что вы думаете. Я должен посмотреть вашего кота. Девушка, машину к подъезду.

Когда мы подъехали к моему дому, лифт оказался выключенным. Это называлось «санитарный день». Мы побежали вверх по бесконечным лестницам. Я чувствовал, что у меня подгибаются колени. Наконец — площадка моей квартиры. Наружная дверь была распахнута настежь. Соседка что-то жарила в кухне, и в коридоре было полно чаду. Мы с директором ворвались в коридор и, тяжело дыша, остановились перед

дверью моей комнаты. Я прислушался. За дверью было тихо. Я принялся шарить по карманам в поисках ключа. Когда я волнуясь, я никогда не могу сразу найти его.

Вдруг я услышал, как за дверью что-то щелкнуло. Щелчок был очень явственный. Толстяк-директор тоже слышал его. Он сразу насторожился. Я приложил ухо к двери, и директор последовал моему примеру. До нас донеслись обрывки разговора.

— Видишь, что ты натворил, нехороший мальчик, — произнес мягкий, удивительно приятный женский голос. — Счастье еще, что мы нашли его. Скорее, Сократ!

— Милый мой, хороший, дорогой мой Сократ, — слышался прерывающийся детский голос. — Никогда-никогда я больше не сделаю так. Прости меня, Сократик!

— Быстрее, Ксан, быстрее. Если папа догадается, что мы с тобой опять трогали его приборы, он будет очень сердиться. Бери на руки Сократа, нам пора...

— Подождите, — отчаянно закричал я через дверь. — Подождите, пожалуйста! Одну минуту. Мне обязательно надо поговорить с вами! Пожалуйста... Боже мой, куда я засунул этот проклятый ключ!..

Наконец я нашупал ключ в кармане джемпера. Руки у меня тряслись, и я не сразу попал в замочную скважину. Еще не успев распахнуть дверь, я уже знал, что опоздаю. Наверно, они очень торопились. А может, просто не хотели встречаться с нами... Ведь в квартире было полно чаду. Кто знает?..

Комната, конечно, оказалась пустой. И Сократа на диване не было. Я позвал его, уверенный, что он не откликнется. И Сократ, разумеется, не откликнулся. Они должны были находиться где-то совсем близко — и мама, и Ксан, и Сократ. И в то же время какое-то самое гигантское межгалактическое расстояние не могло отдалить их от меня более надежно и безвозвратно. Когда, через сколько десятков или сотен лет они снова появятся в этой комнате?..

«Какой же я умопомрачительный болван! Вместо того чтобы сразу догадаться, в чем дело, и сидеть здесь возле Сократа, отправился лазать по городу... Пошел в цирк. Конечно, они должны были явиться за своим Сократом. Не могли же они покинуть его в беде! И он знал об этом. Знал, что его обязательно выручат. Поэтому спокойно улегся спать».

Я сел на диван и обхватил руками голову. Мне хотелось кричать от тоски и досады. Кто-то тронул меня за плечо. Толстяк-директор стоял рядом и сосредоточенно покачивал седой головой.

— Ну ладно, — сказал он. — Кончайте! Очень-очень неплохо. Это может иметь успех. Кое-что мы, конечно, изменим, но в принципе я согласен. Ново и оригинально. Надо было сразу сказать, в чем дело. Незачем было выдумывать всю эту дурацкую историю с котом. Что я, не артист? Хорошего номера от халтуры не отличишь?

— О чем вы? — тихо спросил я.

— Обо всем в целом. Иллюзия была полной: и волнение, и эти голоса за дверью, даже иллюзия запаха: какая-то удивительная смесь озона и необычайно тон-

ких духов. Если эти ощущения передать всему зрительному залу, успех будет необыкновенный. У нас мало хороших иллюзионистов. Можно сказать, почти нет. Номер будет иметь успех.

— Никакого номера не будет, — устало сказал я. — Все кончилось, не начавшись. Простите меня, пожалуйста, и оставьте одного.

— Бросьте ломаться, — сказал он. — Договоримся.

— Никогда.

— Но почему?

Что я мог сказать ему? Как объяснить? Мой взгляд упал на магнитофон.

— Вот, — я указал на магнитофон. — Видите? Ничего не было. Я обманул вас. Это всего лишь магнитная запись.

Он не поверил. Покачал головой, потом заявил:

— Ладно, я подожду. Я понимаю — реакция. Это не легко, после такого напряжения. Вот телефон. Позвоните вечером. А насчет магнитофона — зря. Он ведь был выключен, когда мы вошли в комнату. Я посмотрел. И, главное, этот запах. Я-то знаю: таких духов в действительности не бывает...

Он положил листок бумаги на стол и тихонько вышел, притворив за собой дверь.

Да, он был настоящий артист, этот толстяк-директор. И он умел ценить прекрасное. Жаль, что я обманул его надежды. Он не ошибся. Это были удивительные духи. Их запах — единственное, что осталось мне на память о моих гостях. Наверно, мама очень красива. Такими чудесными духами может пользоваться только очень красивая женщина. И, конечно, она очень смелая. Наверно, они все смелые. Даже Сократ... Как жаль, что вчера я не догадался сфотографировать его.

Впрочем, у меня осталась еще магнитная лента. Запись ночного интервью. А осталась ли?.. Мама выключила магнитофон при своем появлении. Но эта штука, с помощью которой они попали сюда, могла испортить запись... Ну, конечно: ничего — ни слова... Запись полностью исчезла.

Как может не повезти человеку! А, собственно, почему — «не повезти»? Ведь я видел Сократа, даже разговаривал с ним. Слышал голоса мамы и Ксана. Узнал о том, какие они будут. Ужасно мало, конечно, узнал. Но другие и этого не знают. Наша паспортистка, например. А надо, чтобы все узнали. Обязательно надо! Плохо, конечно, что у меня не осталось доказательств. Но можно обойтись и без них.

Я подошел к письменному столу и увидел свою неоконченную рукопись. Ага: «Необратимость времени заключается уже в том, что...» Теперь это в корзине.

Я позвонил редактору и сказал, что очерка о странстве и времени не будет. Вместо него будет фантастический рассказ. И потом я сел за стол и написал вот этот рассказ.

Может быть, его и не напечатают. Редактор сочтет мой рассказ слишком фантастическим. Тогда я сам буду перечитывать его иногда в темные мартовские вечера. Перечитывать и прислушиваться: не царапается ли за стеклом Сократ..